
Глава 9 Предвестники

Юй Шаочэн был личностью весьма известной. Причина его славы была проста: в анналах истории конца эпохи Юн он остался единственным... признанным безумцем.

Хроники гласили: поначалу он служил юному императору Южной Юн, но однажды внезапно убил своего военачальника и дезертировал, уведя с собой пять тысяч воинов. Он примкнул к инспектору одного из округов, однако вскоре — бог весть, чем тот ему не угодил — Шаочэн прикончил и его, переметнувшись к губернатору области.

Этот человек с самого начала не вызывал доверия у нового покровителя. Тот приютил его лишь из страха перед его воинским талантом, и не зря: не прошло и месяца, как Юй Шаочэн, сочтя губернатора «неудобным», попытался захватить его земли. Правитель успел подготовиться и сохранил жизнь, но лишился и территории, и армии — безумец забрал всё себе.

Обладая столь внушительным «начальным капиталом», воин, вопреки ожиданиям, не провозгласил себя ваном. Он нашёл себе нового господина — Чэньлю-вана Хуан Яньцзюна, того самого тирана, что впоследствии истребит весь род Цюй Юньме.

Лишь под началом Хуан Яньцзюна безумец наконец обрёл покой. Он начал преследовать армию Чжэньбэй по всем фронтам. Можно сказать, куда бы ни направлялись воины Севера, Шаочэн неизменно следовал по их пятам. Ему было плевать на гибель подчинённых, на недовольство господина Хуана и даже на пустые закрома — единственной его целью было сокрушение северян.

Говорили, что тот часто бредил во сне, а едва открыв глаза, жаждал убийства. Оставшись в одиночестве, он разговаривал с пустотой, то плача, то смеясь — зрелище было столь жутким, что даже стражники боялись подходить к нему близко.

Хуан Яньцзюн ценил его способности и поначалу пытался наладить с ним добрые отношения, но, осознав, что тот действительно не в своём уме, оставил эти попытки. Он стал использовать Шаочэна просто как цепного пса, натравленного на армию Чжэньбэй. Ирония судьбы заключалась в том, что в решающей битве, закончившейся пленением Цюй Юньме, безумец даже не участвовал. Из-за своего непокорного нрава он был отослан в область Нинчжоу усмирять других врагов. Когда он вернулся, всё уже было кончено.

В ярости воин вознамерился убить своего господина. Но тот, только что сокрушив главного врага, уже мнил себя императором. Перестав притворяться, Хуан Яньцзюн явил миру свою истинную — мелочную и запредельно жестокую — натуру. Он велел запереть Юй Шаочэна в огромной пароварке и заживо сварить в густом пару.

Казнь в паровой клетки... Это была пытка из пыток. Подобная жестокость процветала лишь в

дикие времена, до начала имперской эпохи. С воцарением конфуцианства, провозгласившего милосердие основой власти, такие наказания были строжайше запрещены. Тот, кто осмеливался прибегнуть к ним, навлекал на себя гнев всей империи. Этим поступком тиран хотел заявить: отныне он — единственный властелин, наделённый правом карать и миловать по своей прихоти.

Эпоха заката династии Юн была богата на таланты; одарённые мужи пронеслись по небосклону истории, точно яркий метеорный поток. Юй Шаочэн попал в летописи не только из-за своего безумия — он обладал божественным даром полководца и был единственным в ту эпоху, кто мог на равных противостоять Цюй Юньме.

Лишь в самом конце, став подобен загнанному зверю, великий ван начал терпеть поражения от посредственностей. В пору же своего расцвета достойным противником для него был лишь этот человек.

Юй Шаосе ушёл уже давно, а Сяо Жун всё сидел в постели, безучастно глядя в одну точку. Теперь он наконец понял, почему в будущем Юй Шаочэн так яростно вцепится в глотку армии Чжэньбэй.

По логике вещей, Сяо Жуну следовало бы немедленно убедить Шаосе вызвать брата к себе, пока тот не примкнул к врагам. Но стоило ему вспомнить о «прекрасном» душевном состоянии этого юноши... Сяо Жун не знал, повредился ли тот умом после гибели брата или же изначально был не в себе, а трагедия лишь усугубила недуг.

Впрочем, всему своё время. Пока Юй Шаосе жив и здоров, нет причин опасаться, что Шаочэн станет врагом.

На следующее утро Цзянь Цяо, сладко потянувшись, покинул гостеприимную опочивальню своей пассии и поспешил на плац.

Цюй Юньме поднялся на час раньше него и уже закончил разминку. Генерал живо подбежал к нему, почтительно поприветствовал и собрался было идти к своим воинам. Обычно государь не обращал внимания на подобные формальности, но сегодня всё было иначе: он обернулся и окликнул Цзянь Цяо.

— Погоди.

Цзянь Цяо тут же остановился, с недоумением глядя на великого вана.

— ...Этот Сяо Жун... он ещё жив?

Генерал замялся.

«Государь, у вас весьма своеобразный способ проявлять заботу»

Он издал короткий смешок.

— Жив-здоров. Лекарь говорит — переутомление. Сам господин Сяо утверждает, что слаб здоровьем и харкает кровью не впервые. Мол, зрелище хоть и пугающее, но для организма полезное — излишки внутреннего жара выходят.

Цюй Юньме промолчал.

«Такую нелепицу Цзянь Цяо и в жизни бы не выдумал — наверняка слова этого лазутчика»

В груди у государя поселилось странное раздражение. Вчера этот юноша перепугал добрую половину дворца, а теперь как ни в чём не бывало разбрасывается шуточками. Получается, все те, кто за него искренне переживал, просто выставили себя дураками? Конечно, он не за себя пёкся — он-то ни капли не испугался. Просто за подчинённых было обидно.

Этот вопрос был пределом его участия. Больше Цюй Юньме не проронил ни слова, и Цзянь Цяо, поняв намёк, поспешил удалиться.

Ещё час государь провёл на плацу. Последние дни проходили в бесконечных тренировках, войн не предвиделось, а по возвращении в покои его ждали лишь груды головной боли в виде свитков и отчётов. Скука одолевала его. Цюй Юньме всерьёз задумался: а не повести ли армию в какой-нибудь поход?

В области Ичжоу стоял Юань Байфу, город Аньдин охранял Гао Сюньчжи, в Чжанье был недавно отправлен Ван Синьюн... Казалось, во всей округе не осталось ни единого места, которое стоило бы захватить.

Размышляя об этом, Цюй Юньме широким шагом направился к своим покоям. Но у самых дверей его остановил стражник.

— Великий ван, господин Сяо желает предложить вашему величеству некую стратегию.

Цюй Юньме не сдержался.

— С его-то видом — краше в гроб кладут, а он всё туда же, стратегии предлагает?

Стражник замер в замешательстве, а затем невольно скопил глаза на приоткрытую дверь. Правитель проследил за его взглядом и обнаружил, что Сяо Жун уже преспокойно сидит внутри. Юноша, держа в руках чашу с чаем, на миг замер, а затем медленно повернул голову и с мягкой улыбкой произнёс:

— Пока дышу — советую. Не беспокойтесь, государь, пару дней я уж как-нибудь ещё протяну.

Цюй Юньме лишь хмуро поджал губы.

Спустя мгновение они сидели друг против друга.

Строго говоря, это нарушало все приличия. Советнику не подобало жить в покоях правителя, на совещаниях не каждому полагалось сидеть, да и сам дворец выглядел столь невзрачно, что любой гость сразу понимал: нынешний хозяин здесь — лицо сомнительное. Но выбора не было. Армия Чжэньбэй понятия не имела о том, как должен жить настоящий принц крови. А если бы и знала, Цюй Юньме всё равно не стал бы следовать этим правилам.

Их власть с самого начала была похожа на наспех сколоченный балаган, таковой она оставалась и сейчас. Мир и стабильность — вот в чём они нуждались превыше всего. Что же до этикета... об этом можно будет подумать, когда придёт время украшать фасад.

Кочевники вторгались в Срединную равнину не раз. С первым же их пришествием в обиход вошли складные стулья и кровати. Традиционные циновки всё ещё встречались, но теперь их использовали лишь в личных покоях. Обычный человек, возможно, счёл бы такую посадку неудобной, но Сяо Жуну было всё равно: в этом мире не существовало позы, в которой бы он не чувствовал себя уютно.

Цюй Юньме пристально смотрел на Сяо Жуна, а тот отвечал ему не менее внимательным взглядом. За ночь следы крови на губах юноши исчезли, но сами губы казались мертвенно-бледными. Великий ван привык видеть подобную серость лица лишь у тех, кто уже стоит на пороге могилы, а умирающие редко бывают привлекательны.

Однако лицо Сяо Жуна не осунулось, глаза не ввалились. Несмотря на болезненный вид, черты его оставались тонкими и благородными, а взгляд — живым. Пожалуй, даже слишком живым. Юноша то и дело моргал и с любопытством оглядывал государя, словно тот был какой-то редкой заморской диковиной.

Терпение Цюй Юньме лопнуло.

— Ты ведь хотел предложить стратегию?

«До чего же нетерпелив, — Сяо Жун скрытно скривил губы. — С такой величественной внешностью — и такой нескладный нрав»

Советник вскинул голову.

— Именно так. Я обещал доказать вашу неправоту, и мой совет — лучший способ это сделать. Скажите, государь, удалось ли вам схватить изменников в рядах армии?

Цюй Юньме бросил на него косой взгляд.

— Лишь пару-тройку мелких сошек.

— Значит, вашему величеству ведомо, что мелкая сошка великих дел не вершит, — Сяо Жун усмехнулся.

Великий ван вдруг тоже коротко улыбнулся.

— Когда в армии началось брожение, именно вы первым известили Цзянь Цяо. Почему бы теперь не довести дело до конца и не открыть мне, кто именно питает столь гнусные помыслы?

Сяо Жун опустил взгляд и поджал губы. Спустя мгновение он тихо произнёс:

— Боюсь, здесь я вынужден разочаровать государя. Мне это неизвестно.

Цюй Юньме прищурился.

— Сумели предсказать сам мятеж, но не в силах указать на зачинщика?

— Именно так. Не в силах, — юноша чистосердечно признал.

Цюй Юньме хмыкнул.

— Видать, таланты ваши не столь велики, как гласит молва.

Выслушав эту шпильку, Сяо Жун лишь мягко улыбнулся и вновь применил своё безотказное оружие — искренность.

— Слухи всегда преувеличивают истину. Не скрою от вашего величества: все эти гадания и пророчества — лишь плод моего воображения. Я выдумал их, дабы прославиться и подороже продать свои услуги. Кто же знал, что слава облетит Поднебесную, а армия Чжэньбэй так и не

поспешит призвать меня под свои знамёна? Пришлось пойти на хитрость, чтобы попасть на глаза генералу Цзянь Цяо.

Он сокрушённо покачал головой.

— Обладай я даром предвидения на самом деле, разве стал бы я ждать до сего дня? Если бы я и впрямь мог просчитать ход истории, Поднебесная уже давно принадлежала бы мне.

Сяо Жун бросил это вскользь, но Цюй Юньме заметно вздрогнул. Эти слова показались ему странно знакомыми. Ещё недавно он сам называл юношу лжецом и лазутчиком, но теперь, когда тот во всём сознался, государь вдруг засомневался.

— Ты хочешь сказать, что не владеешь искусством гадания, но заранее знал о беспорядках в Ичжоу и о предательстве в моих рядах?

Сяо Жун немного помолчал, а затем с невозмутимым видом кивнул.

— Именно. Просто я очень умный.

Цюй Юньме лишился дара речи. Обладал ли этот человек истинным талантом или нет, в одном правитель был уверен точно: в искусстве бесстыдства ему не было равных.

Видя его недоверие, советник продолжил:

— Судьбы Поднебесной определяются тремя силами: волей Небес, особенностями земли и помыслами людей. Небеса неподвластны никому; горы и реки можно измерить, но нельзя изменить. Но самое трудное — это предугадать человеческое сердце. Небеса всегда беспристрастны, человек же волен в любой миг сменить милость на гнев, а преданность — на измену. Тот, кто не умеет читать в сердцах, никогда не поймёт перемен в мире и расстановки сил.

— Хочешь сказать, ты умеешь читать в сердцах? — Цюй Юньме усмехнулся.

Сяо Жун скромно покачал головой.

— Разумеется, нет. Чужая душа — потёмки. Я лишь подмечаю то, что лежит на поверхности.

— И что же ты подметил?

— К примеру, — Сяо Жун прищурился, — если я не ошибаюсь, грядущей осенью государь намерен нанести удар по племенам сяньби.

Услышав это, Цюй Юньме мгновенно подобрался, с лица его исчезла тень усмешки, сменившись ледяной настороженностью. Юноша, словно не замечая перемены, продолжал:

— Вы выбрали осень, дабы собрать свежий урожай и запастись дровами перед долгим походом. Обычно вы предпочитаете молниеносные удары, но на сей раз проявляете несвойственную вам выдержку. Очевидно, вы замышляете покончить с сяньби одним махом. Значит, эта война не будет быстрой. Вам придётся дойти до столицы племени Мужун в самом сердце степей. А стоит миновать десятому месяцу, как ударят холода, и продвижение войск замедлится. Полагаю, ваш план — вернуться с победой в течение двух месяцев.

Цюй Юньме внешне оставался спокоен, но внутри него бушевал вихрь чувств. Сяо Жун попал в самую точку — именно так он всё и планировал.

— И что дальше? К чему ты клонишь?

— К тому, что мир велик и в нём немало мудрецов. Я вовсе не единственный, кто сумел разгадать ваши замыслы. Многие уже заметили предвестники бури, наблюдая за действиями армии Чжэньбэй в последний год.

Цюй Юньме холодно усмехнулся.

— Ну и пусть. У меня в достатке и воинов, и провианта. Даже если сам император сяньби разгадает мои намерения, я всё равно раздавлю его. Или твой «совет» заключается в том, чтобы я медлил и ждал удобного случая?

В голосе государя послышался гнев. Больше всего он презирал этих книжников, которые, не держа в руках клинка, прятались в роскошных залах и из корысти пытались поучать воинов, проливающих кровь за отечество.

Сяо Жун на миг опешил, не понимая причины этой вспышки ярости. Он моргнул и мягко произнёс:

— Отнюдь. С сяньби нужно покончить. Степи, которыми они владеют, обширны и богаты рудами — в их руках эти сокровища лишь пропадают даром. Моя стратегия призвана обеспечить вашему величеству надёжный тыл, дабы после выступления армии вы могли не опасаться удара в спину.

Цюй Юньме замер и коротко спросил:

— Что за стратегия?

Сяо Жун едва заметно улыбнулся.

— Приготовлений предстоит немало. Но прежде всего нужно решить вопрос с областью Ичжоу. Скажите, государь, как вы намерены поступить с мятежными кланами и крестьянами?

<http://bllate.org/book/15355/1415938>